

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

МЫСЛЬ МАСТЕРА

Фильм «Георгий Свиридов», премьера которого состоялась по первой программе Центрального телевидения, — истинное произведение искусства. В строгих и скупых рамках документального кино режиссер Юрий Белянкин и оператор Игорь Мордмиллович проявили себя художниками, выйдя за пределы хроникальности, и повели разговор о проблемах человеческого бытия. Успех ленты обусловил обращение авторов к неординарной творческой личности, к интереснейшему собеседнику — Георгию Васильевичу Свиридову. Весь фильм — это как бы интервью с композитором, вернее, даже не интервью (поскольку его собеседник-режиссер не задает никаких тем для обсуждения, лишь кое-где тактично поддерживая нить беседы), а свободная речь Мастера. Это — и мир Свиридова, и Свиридов в мире, и размышления о Родине, и обращение к самым дорогим для художника именам и личностям русских поэтов, — к тем, кому посвящены страницы прекрасной музыки, часы и годы вдохновенного труда.

Итак, композитор в контексте национальной культуры. Русский, советский композитор и русская национальная культура. Та, которая существует уже тысячу лет. Та, в которой вырос, сформировался и достиг вершин выдающийся композитор современности Георгий Свиридов. В фильме постоянно сосуществуют и взаимодействуют двое. Художник — наблюдательный, размышляющий, достоверный, вначале даже как-то по-бытовому сегодняшний наш собеседник, лишь постепенно приоткрывающий свой богатый внутренний мир, свои мысли о судьбах русской культуры. Второй «персонаж» — это Россия. Она возникает на экране, как внезапно распахнувшееся окно в широкий мир, и поражает своей красотой. Перед нами — поля и леса, предутренние туманы, солнечные закаты, мемориалы и музеи, портрет отца, убитого в гражданскую войну. Михайловское и Константиново, Ленинград и Москва, возрожденные Кижы, запущенный Соловецкий монастырь и гибнущий храм Христа Спасителя. Кратко, но предельно выразительно вкраплена кинохроника 20-х—30-х годов: взрыв храма, живые лица Есенина, Шостаковича. И именно с появлением русского пейзажа и дальнейших «картинных» эпизодов вступает звучание свиридовской музыки, его хоров а capella на стихи Пушкина, Есенина, Блока. Она так неразрывна со всем этим «зрительным» контекстом, так слита в некоем первородном единстве, что кажется, будто ноет сама природа, сама земля русская. Так — без слов, естественно и глубоко — раскрывается почвенность искусства крупнейшего нашего композитора.

Вспоминая детство, курскую землю, которую пахали его предки, город Фатеж, где

он родился, Свиридов по существу разъясняет феномен своей коренной внутренней связи с национальной природой русского мышления и мировоззрения. Он говорит о раннем знакомстве со старинным духовным хоровым искусством, с колокольным звоном («в праздники весь воздух звенел и душа наполнялась ликованием»), а на экране — звонари, исполняющие свою нелегкую, но прекрасную звуковую «партитуру». Три мощных свиридовских «соавтора» — Пушкин, Блок и Есенин — выделены из всего «контекста национальной культуры», и в подходе к ним ощущается единый замысел.

Свиридов со свойственной ему прозорливостью раньше и глубже многих других деятелей культуры ощутил важнейшую проблему современности — проблему необходимости сохранения русского поэтического и музыкального языка, черт самобытности в обрядах, обычаях, сохранении сокровищ старинного искусства, создававшихся столетиями, ибо над всеми этими народными богатствами в наш век тотальной ломки и пережитых злоупотреблений реально нависла опасность уничтожения, растворения в море отходов «массовой культуры». И если наша литература, особенно устами В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, покойного Н. Рубцова, призывает в полный голос к спасению того, что еще можно спасти, то Свиридов заговорил об этом раньше всех, еще в 1956 году («Поэма памяти Сергея Есенина»).

Видимо, этим объясняется та особенность его искусства, что оно — о России, что, охватывая прошлое, настоящее и будущее страны, он всегда умеет подчеркнуть самое существенное и неумирающее.

Подобной способностью обобщения извечной «сверхисторической» сути национального мироощущения обладали и некоторые крупнейшие композиторы прошлого — Мусоргский и Шопен. Возможно, это качество тесно связано с музыкальными корнями свиридовского хорового искусства, которое опирается на такие истоки, как духовные песнопения и русский фольклор, включает в орбиту своего обобщения интонационные элементы революционного искусства нашей эпохи.

Приходит на ум фильм А. Тарковского «Андрей Рублев» — о художнике, сумевшем сквозь горе и мрак своего времени пронести живую творческую силу, воспарить духом и сотворить на основе народной традиции свой позитивный мир красоты и поэзии, оставив потомкам величайшие духовные ценности.

Аналогичный путь прошел Георгий Свиридов, опираясь на своих великих соавторов-поэтов, и поведано нам об этом в скромных рамках одночасового документального фильма.

Людмила ПОЛЯКОВА,
доктор искусствоведения.